

(Окончание. Начало в [№ 46 от 30.01.2019](#) и в [№ 47 от 13.02.2019](#))

Газета «Вести» продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

Сегодня вниманию читателей представляются отрывки из воспоминаний жены организатора обороны, первого военного губернатора Камчатки Василия Степановича Завойко – баронессы Юлии Завойко.

Вместо предисловия

Безусловно, Юлия Завойко обладала настоящим литературным даром. Ее воспоминания читаются легко, словно мы сами становимся свидетелями того яркого, трудного и героического времени. Особенно волнующими, на мой взгляд, выглядят сцены прощания Василия Завойко с семьей и записки, которыми обменивались супруги Завойко.

«— Будьте честными слугами Царя и Отечества. Не забывайте, что ваш отец готовится положить за него жизнь!

С молодых лет он службе посвящал все силы и, готовясь к смерти, передавал этот завет детям. Простились и мы... Дружно провели мы всю молодость в пустыне, среди забот и лишений.

Вдруг раздался болезненный, пронзительный вопль Жоры:

— Маменька, оставьте меня с папенькой, ведь он остается один, один... С вами все

восемь. Оставьте меня с ним; я умру подле него.

– Друг мой, – отвечает отец, – меня долг призывает умереть, а тебе, дитя мое, как старшему, я поручаю маму, сестер и братьев. Из любви ко мне иди с ними, заступи мое место, береги их».

«Неприятель поднял американский флаг. Всего шесть судов: четыре фрегата, пароход и бриг. Бог за правое дело: мы их разобьем. Кто останется жив, про то Бог знает. Но мы веселы и тебе желаем не скучать. Останусь жив – увидимся, не останусь – Бог так велел. Царь детей не оставит, а ты сохрани их чтоб они были люди честные и служили Отечеству. Вам необходимо удалиться на хутор; с Авачи все уйдут и скот угонят. Прощай; если Богу угодно не дать нам свидеться, то вспомни – что и жизнь долга ли? Рано ли, поздно ли придется расстаться».

«Будь покойна, ежели будет десант, мы его возьмем в штыки – тут наша возьмет. Живите на месте, не беспокойтесь. Хлеб мы ночью убрали, чтобы шальная бомба не заставила нас голодать. Отстоим с честью, Бог поможет, сохраним русское имя и покажем в истории, как русские сохраняют честь Отечества. Молись за нас. Благослови детей».

«Ежели меня убьют, я оставляю вас спокойно. Твоя христианская покорность воле Божией поддержит тебя, и сам Бог научит, что предпринять для блага детей. Учи их быть честными, трудолюбивыми, и в случае нужды пусть будут готовы положить жизнь за царя и Отечество. Я вам не оставляю состояния, но умру спокойно, Бог вас не оставит, отцом вам будет Государь».

«Бог за нас, сей день десанту было до 800 человек. Бог нас хранит – отбили».

«Вчера по окончании сражения я послал по скорости к тебе известие и саблю. Сегодня посылаю тебе знамя, отнятое нами в бою от 800 человек, а нас было в разных местах до 300. Бог сохранил нас. Тучи бомб были брошены в город, но пожары были незначительные, их скоро тушили, сгорел только рыбный сарай. Убитых у нас до 20 человек и раненых до 70, а неприятелей мы похоронили до 37, между ними есть и офицеры. Двое в плену. Утопили неприятельский баркас, и с Никольской горы при

отступлении их много убито и потонуло. Сегодня день будет спокойный, они пошли хоронить своих в Тарью. Сберегите знамя. Молитесь и надейтесь на Бога. А. П. [Максутов] ранен, он герой, мы ему многим обязаны. Не беспокойся».

«Неприятель ретировался. В море на беду показалось наше судно, но туман такой накрыл, что хоть глаз выколи. Когда совсем скроется, пришло за вами, до тех пор терпение».

Без напыщенного патриотизма, глубоко трогательно звучат слова десятилетнего мальчика-кантониста:

«Был в числе раненых маленький кантонист: по недостатку людей они подавали картузы на батареях; ему оторвало руку. Когда делали операцию, доктор спрашивает его: «Больно тебе?» (Мальчик, не стонал.) «Больно-то, больно, ваше высокоблагородие, да ведь я родился царским слугой, значит, не только руку, но и жизнь должен за царя положить». Этот ответ ребенка доказывает, какой дух был вселен в тамошние команды».

ЮЛИЯ ЗАВОЙКО. ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О КАМЧАТКЕ И АМУРЕ»

Усова рассказывала, что адмирал – старик, что он ласкал ее маленьких, смуглых ребятишек, давал им конфет и говорил матери, или она это уже себе так истолковала, что у него во Франции остались также маленькие дети. Камчадалка любила это рассказывать. Во время сражения их держали внизу; они говорили, что видели раненых на фрегате. 21-го августа адмирал сказал, что отошлет женщину одну с детьми, но та с отчаянием ухватилась за мужа и объявила, что она не оставит его. Адмирал не мог противостоять слезам и рыданиям женщины. Впрочем, Усов на вид невзрачный, черненький, худенький, хиленький, седенький старичок. Не подозревал адмирал, какие меткие стрелки наши камчадалы... Выпросив мужа, камчадалка выпросила и брата, на вид почти юношу.

Эти три спокойных дня были посвящены исправлению батарей; тогда-то и написали некоторые из офицеров свои письма к родным и друзьям, переданные мне на хуторе Харитиною; тогда же она передала Мутовину письмо ко мне от мужа: он должен был

мне передать его в случае смерти мужа. До сих пор оно у меня хранится. Вот оно:

«Ежели меня убьют, я оставляю вас спокойно. Твоя христианская покорность воле божией поддержит тебя, и сам Бог научит, что предпринять для блага детей. Учи их быть честными, трудолюбивыми, и в случае нужды пусть будут готовы положить жизнь за царя

и Отечество. Я вам не оставляю состояния, но умру спокойно, бог вас не оставит, отцом вам будет государь».

Таковы были чувства, одушевлявшие его! И теперь я скажу, что сам Бог сохранил его тогда; он постоянно был на самых опасных и видных местах. Все готовились пасть вдали от родины, исполняя священный долг.

24-го августа. В 4 часа утра замечено движение на пароходе. Неприятель приготавливал десантные боты, баркасы и шлюпки для своего десанта.

Пробита тревога, наши готовились к бою. В этот раз следовало ожидать самого решительного нападения. По позднему времени эскадра не могла долго оставаться.

Обошедши батареи, отряды и суда, мой муж призывал команды драться до последней крайности. Общий, единодушный ответ был: «Умрем, а не сдадимся».

Фрегат «Пик» стоял поодаль от эскадры. В половине шестого пароход взял на буксир два фрегата: с правой стороны «Форт», с левой «Президент», и повел их по направлению к перешейку. Неприятель намеревался испытать счастье с другой стороны Петропавловского порта. Действительно, французский адмиральский фрегат стал против перешеечной батареи № 3. Английский – против батареи № 6, у рыбного сарая. Пароход прошел немного далее. В этот день неприятель имел еще более преимуществ на своей стороне. Тридцать пушек фрегата «Форт» действовали против пяти пушек батареи № 3, совершенно открытой. У озера двадцать шесть пушек «Президента» и бомбические пушки парохода громили маленькую крытую батарею у рыбного сарая,

вооруженную малыми пушками.

Когда еще неизвестно было, какое направление возьмет пароход, то камчатские стрелковые партии были посланы на позицию между батареями № 2 и № 4. Теперь же они были все стянуты подле порохового погреба на берегу озера, у подошвы Никольской горы, вблизи озерной батареи № 7. Туда же были присланы значительные стрелковые парии с фрегата, под командою аврорских офицеров.

Первый огонь открыла батарея на перешейке и действовала так успешно, что первыми ее ядрами сбит на фрегате гафель и английский флаг упал. Англичане поторопились поднять его. Так как на этот раз фрегат встал на якорь близко от батареи, надеясь, вероятно, уничтожить ее немедленно, то наши выстрелы попадали в него почти без промаха. Однако, команда, осыпанная ядрами, лишившаяся уже многих убитыми и ранеными, дрогнула; она состояла наполовину из молодых солдат, присланных из Иркутска, пришедших в Камчатку на «Двине» и едва привыкших управлять пушками. Командир А. П. [Максутов] бросился к орудию и начал сам заряжать его; это подействовало на команду; батарея, поддержанная геройским мужеством командира, продолжала гибельный для неприятельского судна огонь и утопила одну шлюпку с десантом. А. П. сам наводил орудия до тех пор, пока не пал с оторванной рукой. На фрегате «Форт» раздалось: «Ура!»; так дорого ценил неприятель нашу потерю. Хотя с фрегата был послан другой офицер ему на смену; но пока он съезжал, батарея была приведена в невозможность действовать. Батарея № 6, защищенная земляным валом, держалась не долее, она была вскоре совершенно засыпана землей и фашинником, и команда, по приказанию мужа, была присоединена к стрелкам.

Сбив батареи, неприятель отправил десант на двух десантных ботах и на 23 гребных судах по направлению к батарее № 6, под защитою орудий фрегата «Президент» и парохода, обстреливавших Никольскую гору. За десантом следовал французский адмирал с обнаженною саблей, отдавая приказания.

В начале сражения послан был небольшой стрелковый отряд занять вершину спуска Никольской горы к озеру, по которой неприятель легко мог взойти на гору. Остальные отряды находились у порохового погреба, и по мере надобности могли быть двинуты немедленно. Казалось вероятным, что неприятель употребит усилия овладеть батареей № 7: от этого зависела возможность занять город. Действительно, часть неприятельского отряда выстроилась на Кошке, обошла Никольскую гору и показалась против озерной батареи. Но неприятель, встреченный картечью из батарейных орудий и из полевого орудия, отступил, унося убитых и раненых. Вторая попытка неприятеля

броситься на батарею имела те же последствия. В это время стрелковая партия, которая следила за движением неприятеля с горы, спустилась ниже и из кустов открыла беглый огонь по обходившему гору неприятелю.

Десантные же войска быстро и беспрепятственно взойшли на гору; значительная часть их собралась на северной оконечности и начала спускаться вниз. Остальная часть пошла по гребню Никольской горы, а соединилась с десантом, вновь высаженным в подкрепление к первому на пяти гребных судах, отваливших от малого фрегата «Евридика» и брига «Облигадо» к перешейку. С этой стороны неприятель уже открыл ружейный огонь по командам фрегата и «Двины». Фрегат «Евридика», державшийся в начале сражения под парусами, подошел к батарее Красного Яра, но, встреченный выстрелами, отошел. Бриг бросал ядра через перешеек во фрегат. Увидев, что десант показался на гребне, и удостоверившись, что неприятель оставил намерение напасть на озерную батарею, мой муж послал все стрелковые партии, как наши портовые, так и значительные фрегатские, занять северную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда неприятеля штыками. Еще ранее того, видя, что вторично свозят десант к перешейку, с фрегата были вытребованы вновь подкрепления стрелковыми партиями под командой аврорских офицеров; эти подкрепления подоспели вовремя. Наши отряды стали входить на гору, тогда как неприятель был уже на гребне и занял высоты почти до самого перешейка. Самое большое скопление десанта было на северной оконечности Никольской горы, откуда, как сказано выше, неприятель начал спускаться вниз, открыв жестокий ружейный огонь по 2-й стрелковой партии, резерву и по команде озерной батареи. Тут находился и муж; кругом было много убитых и смертельно раненых. Наши стрелки и батарейная команда отстреливалась; наше полевое орудие било картечью. Но так как в эту минуту наши храбрые защитники стали подниматься, то огонь снизу был совершенно прекращен. Малочисленные отряды наши, воодушевляемые храбрыми их командирами, дружно и безостановочно шли на гору под градом пуль, стреляя вперед в неприятеля. Потом с криком «Ура!» почти в одно время ударили в штыки. На верху горы завязывается страшный бой, ожесточенный, упорный. Неприятель был вооружен отличнейшими штуцерными ружьями; у нас ружья были старые, кремниевые, особенно же у камчатских команд. Численность неприятеля, позиция, им занятая, — все было на их стороне, но они не устояли против дружного натиска наших стрелков. У неприятеля первыми жертвами пали офицеры; их ряды дрогнули и скоро в беспорядке обратились в бегство. Одни были сброшены с утеса штыками, другие сами бросались вниз. Утесы Никольской горы, крутые сверху, книзу спускаются каменной стеной, потому на берег падали по большей части обезображенные трупы.

Отступление неприятеля с северной оконечности горы и около перешейка совершалось в беспорядке, но не с таким уроном, потому что покатость горы давала возможность добраться до моря. Спускаясь вниз, неприятель с обеих сторон бежал на шлюпки, унося трупы товарищей. Отступление на суда было для них не менее бедственно: отряды, заняв высоты, стреляли в беглецов. Падая с высот, разбитые, раненые, убитые падали в

воду. Везде слышался стон. Один фрегатский баркас ушел только под восемью веслами, на другом люди подымали руки вверх, как бы прося пощады. Несколько человек брели по горло в воде, догоняя удаляющиеся гребные суда, другие бросались вплавь. Не многие нашли спасение.

С фрегатов и парохода били вверх ядрами, но безвредно для наших молодцов-стрелков. По приближении неприятельских шлюпок, пароход взял их и повел к Тарьинской губе. Суда отошли. Сражение кончилось.

В половине двенадцатого пробили отбой. Все собрались вокруг мужа; тут стояли лужи крови.

Все чувствовали, что не одно непоколебимое мужество, не одна отчаянная храбрость, не одно благоразумие помогли одолеть превышающую вчетверо силу врага, обладающего более усовершенствованными боевыми средствами. С нами был Бог, с его помощью одолели мы сильного врага. И вот тут же на месте наши герои, закоптелые дымом, обрызганные кровью, запыленные, грязные, в виду убитых, присутствуют при торжественном, благодарственном молебствии, по окончании которого, после многолетия, все пропели гимн за царя и грянуло: «Ура!».

Физические силы, бывшие в таком страшном напряжении с раннего утра, требовали подкрепления, и тут же стали обедать. Затем приступили к погребению убитых. Наших было до 35 человек, между ними были и волонтеры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав перед тем не одну меткую пулю во вражью силу. Пред сражением он говорил мужу: «Теперь я пойду с другими бить супостатов, а потом ты, старик, пошли меня к своей хозяйке, я скорее всех бегаю». Камчадалы называют начальника стариком.

Убитых англо-французов было до сорока человек, из них четыре офицера. У одного из них была точная записка о числе десанта. По этой записке, без вторично посланного десанта с «Евридики» и «Облигадо» значилось до 800 человек. Фрегатская и камчатская стрелковые партии, отбивавшие их, были в числе до 280 человек.

На белье одного из офицеров была метка «Паркер», наружность и одежда его

доказывали, что он принадлежит к хорошей фамилии. На следующий год от офицеров неприятельской эскадры узнали, что Паркер оставил после себя жену и пять человек детей... Жестокая судьба!

Двое других офицера были юноши, едва вышедшие из детских лет. Несчастные их матери, не суждено вам обнять дорогих сыновей; спят они вечным сном на чужбине!

С молитвами церкви, с воинскими почестями похоронили своих павших братьев и врагов. Два кургана насыпаны неподалеку от порохового погреба, у подошвы Никольской горы, у самого входа в город со стороны озера.

Это место их вечного покоя. Два креста осеняют их могилы.

На другой день, 25-го августа, пароход отправился в Тарьинскую губу, как мы узнали впоследствии, хоронить своих убитых. Он уже второй раз туда отправлялся. В первый раз он ходил туда 21-го августа хоронить английского адмирала Прайса. Он или по нечаянности застрелился, или умышленно, или был убит; тогда это было неизвестно. Известно, что он погиб, и его могила там, в пустынной Тарьинской губе, под развесистой березой; а насупротив ее насыпан высокий, обширный курган, обложенный зеленым дерном. Это – могила павших 24-го августа, которых они успели захватить с собою.

Когда пароход ходил 21-го августа в Тарьинскую губу, он забрал там девять американцев, рубивших дрова; они за год перед тем бежали с китоловного судна, провели зиму в Петропавловске и нанялись на торговый американский бриг Noble, стоявший еще в малой губе. От этих-то американцев неприятельская эскадра, вероятно, имела подробные сведения о наших оборонительных средствах и о численности наших сил. Эти американцы ушли на эскадре.

Последующие затем дни, то есть 25 и 26 августа, суда чинились, кренились, заделывали пробоины, исправляли рангоут. У нас в это время также исправлялись повреждения на батареях.

На поле сражения было найдено 56 неприятельских ружей, отличных, большею частью штуцеров; 7 офицерских сабель; взято английское знамя с надписью: «per Mare per Terram» [«За море, за землю»]. На другой год по вскрытию льда под Никольскою горой в норе было найдено до 30 ружей.

25-го числа, когда пароход ушел в Тарьинскую губу, а суда все кренились, у входного мыса показался наш бот под командой унтер-офицера; он возвращался из Тигиля, куда возил продовольствие. Шлюпка с маяка предупредила его вовремя о пребывании неприятельской эскадры, и он тотчас поворотил в море, где вблизи Старичкова острова встретил два наших судна, направляющихся в Петропавловск. То были шхуны «Восток» и «Байкал»; они поворотили в Большерецк; ботик же скрылся за рифом в ближней Жировой бухте.

Когда 27-го августа неприятельская эскадра выходила, она повстречалась с судном Российско-Американской компании «Ситха» и взяла его. На этом судне была почта; она не досталась в руки неприятеля, так как командир бросил ее за борт; но зато и мы не получили ее и были целый год без известий от родных.

30-го августа. После обеда мы с мужем ходили в госпиталь к раненым. Эти бледные лица были искажены болью; но тем не менее все изъявляли такую радость, такое воодушевление по случаю славной победы. Наиболее страдающим посылали от нас на первое время все, что нужно из пищи, чтобы освежить и подкрепить их. Не могу не вспомнить притом наших достойных врачей, выказавших в то время столько искренней заботливости, теплого, душевного участия к страдающим, готовности пособить сколько возможно; а ведь это последнее не легко в нашей отдаленной, пустынной стране.

Был в числе раненых маленький кантонист: по недостатку людей они подавали картузы на батареях; ему оторвало руку. Когда делали операцию, доктор спрашивает его: «Больно тебе?» (Мальчик не стонал.) «Больно-то, больно, ваше высокоблагородие, да ведь я родился царским слугой, значит, не только руку, во и жизнь должен за царя положить». Этот ответ ребенка доказывает, какой дух был вселен в тамошние команды.

Был тут между ранеными казак Карандашев, страшный силач; он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево и т. п. штуки. Он был при полевой пушке; 24-го две лошади были под ней убиты, он ее свалил в ров, и оттуда еще раз навел ее и выпалил в нападающий десант. Он был тяжело ранен, пролежал два месяца,

но, оправившись, не потерял своей замечательной силы.

Жаль было смотреть на пленного француза; он был страшно изранен и ужасно страдал. Ему все оказывали большое участие, и офицеры даже баловали его, давая ему всевозможные лакомства; десять месяцев бедняга пролежал, и все лазаретные полюбили его.

Не то было с англичанином; он не был ранен и смотрелся молодцом; наши матросики почувствовали к нему такое сильное предубеждение, что во избежание схватки с Джоном Булем, где уже численность была бы не на его стороне, он был отослан подальше от порта к богатому камчадалу в его деревеньку. Последний обращался с ним как с гостем и считал себя самого по этому поводу чуть не государственным человеком.

Не весь наш скот был пригнан на хутор, некоторые из животных отбилась и бродили по горам. Две штуки были ранены, их убили, и на радостях у всех было жаркое. У нас в Камчатке свежинка бывает только на радостях. Даже матросов – храбрых молодцов – угостили вволю всеми земными благами, и повеселились же они на славу....

Впоследствии американцы нам рассказывали, что неприятельская эскадра, придя в Сан-Франциско после поражения в Петропавловске, не имела достаточно здоровых рук, чтобы закрепить паруса по-военному все разом, а закрепляли их поочередно, сперва на одной мачте, потом на другой и, наконец, на третьей, что на военных судах не делается.

У нас в доме потолок был пробит в двух местах: в одной из спален и в кладовой, но повреждения были маловажные. Зато в саду было множество ядер и неразорванных бомб. Бомбы везде валялись в большом количестве неразорванные; потому их собирали с большою осторожностью во избежание несчастья. Детям покуда их любимые прогулки в сад были строго воспрещены.

2-го сентября благополучно возвратился корвет «Оливуца», – это возбудило общую радость: наше военное судно сохранено.

10-го сентября скончался доблестный герой А. П. Все сослуживцы, все знающие его искренно любили. С моим семейством он близко сошелся. Это была такая чистая, любящая душа. Для меня это была тяжелая потеря. Дети мои в первый раз видели смерть близкого, любимого человека, и особенно Жоря был в отчаянии. Не думал он, что скорее всех нас последует за оплакиваемым дядей... Теперь скажу с искренним убеждением, счастлив, кто на заре кончает свою жизнь, не изведав ее горечи, трудов, лишений, разочарований, искушений. Тогда я большего ждала от жизни и горько оплакивала родственника, подававшего такие блестящие надежды...

Там, на зеленой Никольской горе, на берегах пустынной Авачинской губы, на кладбище Петропавловского порта, стоят два белых креста: один большой – это место упокоения юного героя, подле него другой, поменьше – тут покоится моя маленькая дочка, умершая ребенком. Березки осеняют их своею тенью, дикий шиповник разливает свой аромат. Простенькая зеленая решетка отделяет их от общего кладбища. Придет ли когда-нибудь помолиться тут над этим прахом, в этой пустыне, кто-нибудь из близких?

Курьер со знаменем и донесением был отправлен в Петербург на американском торговом бриге Noble, который, привезя товары и готовясь уйти в море, был застигнут военными действиями и потерпел даже притом некоторые незначительные повреждения.

Тогда же возвратились из летнего плавания наши транспорты «Иртыш» и «Байкал».

Воздвигались новые твердыни в защиту Петропавловска. Все это весьма скоро принимало совершенно неузнаваемый вид. Батареи строились крытые, рыли крытые ходы. На месте Красного Яра вырос целый редут, обнесенный палисадом, окруженный рвом. На Сигнальном мысу была снята каменная возвышенность, которая так вредила во время действий, и тут воздвигнута трехъярусная батарея.

Тогда уже не было веселых, шумных собраний вечером; напротив, старшие офицеры часто собирались у мужа и обсуждали средства обороны.

Впоследствии, когда неприятель в 1855 году пришел в Петропавловск, он отдал полную справедливость этим укреплениям, созданным с такою железною неутомимостью и с

такую глубокою обдуманностью. Так отзывались о том сами неприятели в тогдашних иностранных газетах. Как бы волшебством в это время выросли три новые, большие казармы, три новых офицерских домика, и при наступлении холодов все были уже под теплою крышей.

В Камчатке чрезвычайно трудно иметь свежую провизию для большого числа людей. И вот муж решился послать бот с охотниками- камчадалами, камчатскими матросами и офицерами в окрестные заливы. И какая была радость, когда они возвратились и привезли 30 больших горных баранов и 10 медведей! Эти бараны очень большие и очень вкусные, как лучшая лосина или оленина. Медвежье мясо также было употреблено в пищу, оно похоже на свинину; а наш большой запас лучшей соленой рыбы был сожжен. Остались сироты, вдовы после убитых; у меня была собрана небольшая сумма от лотерей из дамских работ для основания женской школы, но так как сумма была для того недостаточна, то это дело и не имело дальнейшего хода. Я предложила находящимся налицо жертвователям, не пожелают ли они эту небольшую сумму определить на пособие вдовам и сиротам и на некоторое продовольственное прибавление для содержания раненых. На это все согласились с удовольствием, и эта маленькая сумма помогла на первое трудное время...

Я длинные шестнадцать лет жизни провела в этих отдаленных местах и привыкла к уединению и однообразию. Дети росли, их учение становилось более серьезным; мне некогда было думать о скуке. Развитие детей, их учение, доставляли мне постоянное, самое разнообразное развлечение. Но каково было этим молодым людям, заброшенным в эту пустыню без всяких развлечений, без книг! Наша библиотека была весьма незавидна...

Простите, отдаленные края! От души желаю вам преуспевания, жителям вашим того искреннего единодушия, без которого нет в деле успеха, и той же непоколебимой верности долгу, которыми были одушевлены все в мрачную годину испытания.

Шестнадцать лет во всяком семействе оставляют грустный след! Многих не стало! Предшествующие лишения и тяжелая жизнь отозвались на детях, и долго мне пришлось бороться с их недугами, пока, наконец, тиф не унес в раннюю могилу моего старшего сына. Эта тяжкая, никогда не заживающая сердечная рана понятна всякой матери,

испытавшей то же.

Мой второй сын захватил во время наших тревожных странствований злой ревматизм, почему и не мог служить во флоте; третий по необыкновенной слабости зрения также.

Итак, разбилась самая законная, самая светлая наша надежда, что дети будут служить во флоте, с которым мы так сроднились...

Многих из наших сподвижников не стало! Мы сами состарились и как бы умерли для действительной жизни. Вышеописанные труды и смертельные тревоги душевные могут сломить самое железное здоровье, самые могучие силы. Потому я и рискнула на закате дней, пока родная мать земля не покроет на вечный покой и не положит конец и трудам, и заботам, собрать мои отрывочные записки и поделиться воспоминаниями об этой тяжелой, но вместе с тем и славной эпохе нашей русской жизни. Всех и каждого на Руси одушевляли тогда единогодушие, геройская отвага, непоколебимое мужество. Всяк нес свою посильную лепту труда и полного самоотвержения, свою собственную жизнь на алтарь Отечества!